

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-5-17

**ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА:
ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ.
ФИННО-УГОРСКИЙ МИР**

Сергей Артеев

*Институт мировой экономики и международных отношений РАН
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД РФ*

Аннотация

Анализируется проблематика международных политических пространств в контексте этнокультурной идентичности. Главный исследовательский вопрос статьи связан с выявлением субъектов и структур, в результате взаимодействия которых формируется конфигурация транснационального финно-угорского политического пространства. Цель статьи – рассмотреть субъектность транснационального политического пространства в контексте этнокультурного фактора на примере финно-угорского мира. Для этого представлен обзор основных теоретических подходов по проблематике политических пространств, уточняется типология международных политических пространств, а также предлагается модель идентитарного профиля политического пространства. Идентитарный профиль – это аналитическая модель, отражающая уникальную совокупность параметров международного политического пространства, существенным образом влияющих на его функционирование. В рамках разработки такого профиля можно выделить десять ключевых параметров. Любой параметр может принимать одно из двух значений. С помощью определения значений параметров выделяются характеристики, которые позволяют выявить особенности субъектности международного политического пространства. Необходимо отметить, что модель идентитарного профиля – это гибкий аналитический инструмент. Очевидно, что она может быть дополнена и уточнена по мере апробации. В результате исследования автор приходит к выводу, что конфигурация транснационального финно-угорского политического пространства как этномира асимметрична и сложна по составу субъектов. Это ослабляет его субъектность и осложняет поиски оптимальных моделей решения имеющихся этнокультурных проблем. В то же время фактор общей идентичности выступает в качестве несущей оси транснационального финно-угорского политического пространства.

Ключевые слова: транснациональные политические пространства; идентичность; этничность; финно-угорский мир; этномир; идентитарный профиль.

В 2019 г. отмечается 30-летие “бархатных” революций в Восточной Европе. Кроме того, 1989 г. является пиком перестройки в Советском Союзе. Совершенно определенно можно сказать, что тридцать лет назад прекратила свое существование не только биполярная система международных отношений, но и началось формирование множества новых политических пространств с участием новых субъектов. Некоторые из этих пространств не так заметны, но имеют значительный потенциал для развития и гармонизации межгосударственных отношений, что особенно актуально в текущих мирополитических условиях. Одно из таких пространств – финно-угорское, которое является этнокультурным в своей основе. Оно интересно тем, что не имеет строгих территориальных очертаний и лишено мощных институциональных опор. Какие субъекты, структуры и формы взаимодействия формируют конфигурацию транснационального финно-угорского политического пространства? Конфигурация транснационального финно-угорского политического пространства обладает выраженной асимметричностью, что расширяет потенциал для кооперативного взаимодействия субъектов, но затрудняет поиски оптимальных моделей решения имеющихся этнокультурных проблем. В статье анализируются соответствующие теоретические подходы, предлагается модель идентитарного профиля политического пространства и исследуется финно-угорский мир как транснациональное политическое пространство, а также характеризуются особенности Венгрии как государства, во внешне-

политическом курсе которого особое место занимает вопрос о сохранении этнической идентичности многочисленных зарубежных венгерских диаспор, что значимо не только для венгров, но и для большинства финно-угорских народов.

Концептуализация и анализ политических пространств характеризуется применением широкого спектра теорий, подходов и методов. Такая ситуация связана как с высокой степенью сложности этого явления, так и с многообразием научных направлений и школ, работающих в данной тематике. В научном дискурсе можно выделить несколько основных теорий и подходов по политическим пространствам: *социологический подход*, одним из главных достижений которого является отказ от жесткой привязки социального/политического пространства к физической территории (Бурье, 2013; Giddens, 1987; Парсонс, 1997; Бек, 2001); *конструктивизм*, который акцентирует внимание на репрезентациях, идеях и убеждениях сторон, формируемых в процессе взаимной коммуникации (Wendt, 1999; International Relations..., 1998); в *неоинституционализме* институт понимается как сложносоставной феномен и трактуется как норма, социальная практика и организация в зависимости от конкретного исследовательского кейса (Hall, Taylor, 1996; Панов, 2011); весьма популярный *транснационализм* способствовал снижению фактора «государствоцентричности» в международно-политических исследованиях, что позволило выявить роль негосударственных акторов мировой политики (Keohane, Nye, 1972; 1977); *коммуникативный подход*, хотя по многим параметрам близок к конструктивизму, но в отличие от последнего, первостепенное значение уделяет не идеям и убеждениям как таковым, а различиям, лежащим в основе идентичности акторов (Пушкарева, 2012; Самаркина, 2013); *организационная теория* рассматривает вопросы соотношения территории и пространства, структурирования и упорядочивания деятельности, сочетания внешне- и внутрисредовых факторов (DiMaggio, Powell, 1983; Emirbayer, Johnson, 2008; Стрежнева, 2014; Прохоренко, 2014); *идентитарный подход* особенно активно разрабатывается российской школой мирополитических исследований. В своей основе идентитарный подход является синтетической теорией, сверхзадачей которой можно считать создание исследовательского инструментария, оптимальным образом сочетающего в себе лучшее из представленных выше подходов (Идентичность..., 2017; Политическая идентичность..., 2011; Политическая идентичность..., 2012; Семенов, 2012; Семенов и др., 2010; Прохоренко 2015).

Наличие сразу нескольких теорий и подходов, применяемых при исследовании политических пространств, тем не менее, не закрывает полностью вопрос с теоретико-методологическим инструментарием в данном предметном поле. В первую очередь это обусловлено тем, что на сегодняшний день не сложились устойчивые целостные теоретико-методологические комплексы (теория/подход – методы – методики), которые признаны научным сообществом и повсеместно применяются при изучении проблематики политических пространств в контексте идентичности.

Идентитарный профиль политического пространства

Несмотря на многообразие теоретико-методологического инструментария, представленного в исследованиях, сформировался определенный консенсус по вопросу о параметрах политического пространства. И зарубежные (Political Space..., 2002; Transnational political..., 2009), и российские (Транснациональные политические..., 2011; Косолапов, 2005; Мельвил, 2007; Пушкарева, 2012; Прохоренко, 2012) исследователи склонны считать, что политическое пространство как феномен обладает рядом обязательных параметров. Это *интерсубъективность* (как субъективная общность установок у определенного круга людей), *отсутствие жесткой привязки к территории* (физическому пространству), *наличие субъектов/акторов*, (активно действующих в данном пространстве), *наличие идентичности/общей системы представлений* (необязательно сильной и четко определенной), *возможность как одномерности, так и многомерности* (политическая стратификация субъектов пространства по вертикали и дифференциация позиций субъектов по горизонтали), *взаимодействие и взаимопроникновение политических пространств* (каждое политическое пространство в той или иной мере встроено в систему политических пространств, что предопределяет условия его функционирования).

Проблематика международных политических пространств изучается за рубежом начиная с 1970-х гг. Российские исследователи также активно подключились к этому процессу (Идентичность..., 2017; Транснациональное политическое, 2010; Прохоренко, 2015; Политические изменения..., 2014; Круглый стол, 2013). Однако по вопросам типологизации политических пространств единства точек зрения не наблюдается. «Наднациональное», «транснациональное», «трансграничное»

у разных авторов зачастую обозначают одно и то же. В связи с этим возникает потребность в конструировании иерархии политических пространств. Представляется возможным выделить два основных типа международных политических пространств: *наднациональный* (к некоторым из них также применимо обозначение в качестве международного региона) и *транснациональный*.

Семантическая дифференциация наднационального и транснационального пространств связана с институциональной и идентитарной составляющей. Для наднациональных политических пространств характерно наличие сильных институтов в виде наднациональных органов, наличие общего центра власти, компетенции которого по степени своей выраженности приближаются к национальному уровню. ЕС можно считать именно наднациональным политическим пространством, так как Европарламент и Еврокомиссия превратились в органы власти, решения которых оказывают прямое и существенное влияние на жизнь миллионов людей в странах-членах ЕС. В транснациональных политических пространствах на первый план выходит идентичность, в то время как институты вторичны по отношению к общим ориентирам и зачастую не обладают регулятивными функциями.

Независимо от типа, международное политическое пространство помещено в систему внутренних и внешних идентитарных координат. Процессы самоидентификации обществ оказывают влияние на формирование и функционирование политических пространств. Вопрос гармонизации присутствующих данному обществу установок с возникающими вызовами предопределяет вектор движения конкретного международного политического пространства. Наиболее ярко это видно на примере миграционного кризиса в ЕС 2015–2016 гг. Вероятно, что вопросы идентичности находятся в основании любого международного политического пространства.

Мирополитическая субъектность применительно к международным политическим пространствам нуждается в специальном рассмотрении, так как обладает сложносоставной «нестандартной» природой. Обычно под «субъектом» подразумевается сущность, которая способна активно действовать, что позволяет ей приобретать влияние. Однако в случае с международными политическими пространствами ситуация более сложная. *Субъектность наднациональных и транснациональных политических пространств проявляется двояко. С одной стороны, как и у любых других акторов, через активные действия, с другой – через формирование собственного образа у других участников международного взаимодействия.* Таким образом, международные политические пространства обладают двойной субъектностью – активной и перцептивной.

Активная компонента субъектности наднациональных/транснациональных политических пространств наиболее отчетливо проявляет себя в случаях, когда пространство институционализировано в рамках международных организаций, например, ЕС или АСЕАН. В этом плане она схожа с субъектностью государства. Однако, если транснациональное политическое пространство не имеет своей международной организации, то перцептивная компонента субъектности играет более весомую роль.

При этом становится очевидным, что международные политические пространства не однородны по своим базовым характеристикам. С целью дальнейшего исследования предварительно имеет смысл представить **идентитарный профиль** как инструмент анализа международного политического пространства. *Идентитарный профиль – это аналитическая модель, отражающая уникальную совокупность параметров международного политического пространства, существенным образом влияющих на его функционирование.* В рамках разработки такого профиля можно выделить десять параметров. Каждый параметр включает в себе ключевое мирополитическое или культурологическое измерение в проблематике транснациональных пространств. В совокупности все эти параметры претендуют на то, чтобы охватить большую часть существующих международных пространств. Любой параметр может принимать одно из двух значений. С помощью определения значений параметров выделяются характеристики, которые позволяют выявить особенности субъектности международного политического пространства. Необходимо отметить, что модель идентитарного профиля – это гибкий аналитический инструмент. Очевидно, что она может быть дополнена и уточнена по мере апробации. Для удобства все параметры могут быть помещены в сводную таблицу.

Идентитарный профиль международного политического пространства

Параметр	Значение	Пример
По степени международного влияния	Сильный	ЕС
	Слабый	ЕАЭС
Наличие международной организации	Формально-институализированные	Евроатлантика – НАТО и ЕС
	организационно-неинституализированные	Юг-Юг (отсутствует международная организация)
Опыт сосуществования в рамках единого государства	Постгосударственные	Постсоветское пространство, Содружество наций (Великобритания и ее бывшие колонии)
	Не имеющие длительного опыта сосуществования в одном государстве	ЕС
Наличие ядра	Централизованные	США - Евроатлантика
	Децентрализованные	Арабский мир
Динамика расширения	Экстенсивные	Евроатлантика – Центрально-восточная Европа, Юго-восточная Европа, Закавказье
	Замкнутые	Постсоветское пространство
Язык как консолидирующий фактор	Да (монолингвистические)	Британское содружество
	Нет (полилингвистические)	Постсоветское пространство
Культура как консолидирующий фактор	Да (монокультурные)	Еврейский мир
	Нет (поликультурные)	Мир народов Океании
Этничность (общность происхождения, языков, культуры) как консолидирующий фактор	Да (этнизированность)	Славянский мир, тюркский мир, финно-угорский мир
	Нет (деэтнизированность)	ЕС
По действующим субъектам (какие типы субъектов играют активную роль)	Гетеротипные	ЕС (государства, субнациональные элиты, ТНК, малый и средний бизнес, некоммерческий сектор)
	Монотипные	Союз России и Беларуси (государства – РФ и РБ)
Роль дискурсов в формировании и сохранении политического пространства	Значительная	тюркский мир
	Незначительная	ЕС

Идентитарный профиль может выступать в качестве инструмента первичной оценки международного политического пространства с целью его последующего углубленного изучения. Необходимо учитывать, что ни один из представленных параметров не может служить в качестве однозначного маркера для отнесения пространства к наднациональному или транснациональному типу. Однако в совокупности предложенные параметры позволяют сделать обоснованный вывод не только о типе пространства, но и о ряде его существенных характеристик и конфигурации среди других политических пространств. Таким образом, аналитическая модель идентитарного профиля международных политических пространств представляет собой попытку формализации изучаемой области.

В качестве объекта, на котором может быть применена данная аналитическая модель, выступает финно-угорский мир. Хотя этот феномен и исследуется давно, но в основном за рамками проблематики международных политических пространств. Пространственный подход позволяет проанализировать финно-угорский мир под новым ракурсом. Следует отметить, что финно-угорский мир относится к этномирам. *Этномир – транснациональное политическое пространство, которое формируется, в первую очередь, на основе фактора этнической общности.* Для этномиров часто характерно взаимодействие сразу нескольких этнических групп.

Финно-угорский мир: понятие и субъекты

Само понятие «финно-угорский мир» является предметом дискуссий в академической и экспертно-аналитической средах. Существуют две основные точки зрения. Первая – «негативная». Сторонники данной позиции полагают, что финно-угорский мир – иллюзия, мыслительный конструкт в целом деструктивной природы, служащий целям узких групп из числа представителей финно-угорских этноэлит (Saaginen, 2001; Шабаев, Чарина, 2008; 2010; Шабаев и др., 2010). Такая оценка сформировалась в академическом дискурсе в 1990-е гг. и практически в неизменном виде транслируется вплоть до настоящего времени. Впрочем, сторонники данной позиции в таком же ключе оценивают и другие транснациональные этномыры – тюркский и т.д. В качестве фундаментальной теоретико-методологической основы академического дискурса, представленного работами ряда ведущих российских этнополитологов и этносоциологов, выступает *конструктивизм* (Андерсон, 2001; Геллнер, 1991). Значимыми ориентирами данного дискурса являются «единство российской нации», «сепарация», «этническая мобилизация», «политизация этничности».

Вторая точка зрения – «позитивная». Согласно этой позиции «финно-угорский мир» является реальностью. В первую очередь, её адептами являются представители интеллектуальных кругов финно-угорских народов (Чекушкин, 2010; Финно-угорский мир..., 2014)¹. Несмотря на то, что «негативную» позицию отстаивают ведущие российские этнополитологи, вторая позиция не лишена весомых оснований. Более того, некоторые положения первой позиции не противоречат второй. Этноактивистский дискурс, как и ранее обозначенный академический, также включает в себя научно-исследовательские работы, однако его нельзя считать мейнстримным на общероссийском уровне. В качестве концептуальной основы этноактивистского дискурса выступает примордиализм, лишенный идеологических наслоений советского периода. Ключевые ценности этноактивистского дискурса проявляют себя через такие понятия, как «сохранение языков и культур», «ассимиляция/аккультурация», «идентичность».

Можно констатировать существование трех дискурсов о финно-угорском мире: академический, этноактивистский и властный². Академический и этноактивистский дискурсы обладают выстроенной аргументацией, но слабо взаимосвязаны друг с другом, что негативно сказывается как на росте научного знания, так и на восприятии экспертно-аналитической работы и результатов практической реализации этнопроектов, то есть ощущается взаимное отчуждение. Властный/официальный дискурс в некоторой мере является синтезом академического и этноактивистского дискурсов, но при этом обладает слабой внутренней устойчивостью и подвержен колебаниям в зависимости от позиции, занимаемой в тот или иной период первыми лицами государства и финно-угорских регионов. В связи с этим актуальной задачей является глубокое всеохватное соединение академической и этноактивистской позиций в рамках одной дискуссионной траектории, так как сейчас они по большей части существуют на параллельных треках.

Так или иначе, но сам факт, что сторонники «негативной» позиции из числа авторитетных исследователей уже несколько десятилетий занимаются изучением этого феномена, означает, что финно-угорский мир (в кавычках или без) представляет интерес для исследователя трансформаций современного миропорядка. Помимо прочего, он может быть проанализирован и в качестве транснационального политического пространства, причем историчность, асимметричность, неоднородность являются его важнейшими характеристиками. В связи с этим необходимо определить идентитарный профиль финно-угорского мира:

- по степени международного влияния: слабое;
- наличие международной организации: формально-институализированный – Международный консультативный комитет финно-угорских народов и Всемирные конгрессы финно-угорских народов;
- опыт сосуществования в рамках единого государства: есть, за исключением Венгрии, но в 1950–1980-е гг. Венгерская Народная Республика входила в социалистический лагерь, и жизнь венгерского общества выстраивалась по советским стандартам;

¹ См. научный рецензируемый журнал «Финно-угорский мир». URL: <http://csfu.mrsu.ru/ru/about> (дата обращения: 10.08.2019).

² «Разделенность» дискурсов является известным явлением. Например, ситуация с оценкой формирования гражданской нации в Беларуси (Семененко и др., 2017).

- наличие ядра: децентрализованное (ни одно зарубежное государство и ни один финно-угорский регион РФ не обладают достаточным «весом»);
- динамика расширения: имеется, за счет вовлечения диаспор финно-угорских народов как в России, так и в дальнем зарубежье;
- по языку: полилингвистическое;
- по культуре: поликультурное;
- этноориентированность: этнизированное;
- по действующим субъектам: гетеротипное;
- роль дискурсов: значительная.

Этноориентированность финно-угорского транснационального политического пространства является одной из наиболее важных содержательных характеристик. Безусловно, этноэлиты приложили немало усилий для формирования общей финно-угорской идентичности. Результаты этой деятельности нельзя оценить как однозначно успешные или неуспешные. Гораздо важнее другое. Исходя из понимания этнической идентичности как осознания принадлежности к этнической группе (в данном случае к группе, объединяющей несколько этносов), наличия этнических интересов (в случае российских финно-угров, речь в первую очередь о сохранении своих языков) и соответствующей деятельности (Идентичность..., 2017: 418), следует, что произошедшее на рубеже 1980–1990-х гг. институциональное оформление международного финно-угорского движения лишь зафиксировало имеющуюся реальность, а не создавало её с «нуля» исключительно искусственным путем.

Исходя из идентитарного профиля финно-угорского мира можно выявить конфигурацию данного транснационального политического пространства. Для этого необходимо проанализировать субъекты, структуры и формы взаимодействия.

Финно-угорское транснациональное политическое пространство включает в себя субъекты нескольких типов - *эпистемические сообщества* (исследователи из научных организаций и преподаватели вузов), *институализированное этнодвижение* (этноорганизации, НКО, НПО), в том числе структуры лингвистического и культурного профиля, *органы государственной власти* (общегосударственного, регионального и муниципального уровня), *бизнес* (как малый и средний, так и транснациональные корпорации).

Эпистемические сообщества являются наиболее продолжительно существующими субъектами, так как именно исследования зарубежных и российских ученых в XVIII–XIX вв. привели к обоснованию идеи транснациональной финно-угорской общности. При этом главную роль до начала XX в. играли отдельные персоны из числа деятелей науки и образования Финляндии и Австро-Венгрии. В 1920-е гг. в РСФСР/СССР были образованы этнические автономии, в том числе их получили и территории, населенные финно-уграми. Однако репрессии 1930–1940-х гг. практически уничтожили этноинтеллигенцию как социальную страту в финно-угорских автономиях. Тем не менее, в 1950–1980-е гг. международное научное сотрудничество финно-угроведов Советского Союза, Венгрии и Финляндии привело к признанию идеи финно-угорской общности за пределами академического сообщества. Финно-угорское научное сотрудничество в своей основе стало прообразом международного финно-угорского движения.

Этнические движения финно-угорских народов РФ сформировались во второй половине 1980-х гг. на волне политики перестройки в Советском Союзе. В силу того, что этноэлиты рекрутировались в основном из числа ученых и деятелей культуры, то у российских финно-угров наблюдается очень тесное переплетение эпистемических сообществ и этнодвижений. Этнодвижения в финно-угорских регионах достаточно быстро институализировались и изначально развивались под воздействием международного фактора, что обусловлено исторически, а также демографически (Шабаев и др., 2010). Главная цель – сохранить идентичность финно-угорских народов Советского Союза, позднее – РФ. Как и в других этнодвижениях, финно-угорские этноактивисты полагают, что этническая идентичность является абсолютной ценностью и носит аксиоматический характер. Ключевой аспект идентичности для финно-угорских народов, проживающих в этнических автономиях, РСФСР/РФ – сохранение финно-угорских языков. К концу 1980-х гг. в финно-угорских автономиях РСФСР было зафиксировано существенное снижение уровня владения языком своих предков среди представителей «титულных» национальностей. Произошло это во многом вследствие унифицирующей образовательной и языковой политики, проводимой на государственном уровне, начиная с 1960-х гг. (Сануков, 2011). Это означает, что решение «национального вопроса» в случае с финно-уграми СССР изначально находилось в политической плоскости. И финно-угорское этнодвижение не могло не быть политическим по своим целям и мотивам. В результате появился Международный консультативный

комитет финно-угорских народов, который выступает в качестве координирующего органа финно-угорских организаций в регионах России и за рубежом.

Необходимо особо отметить, что роль НКО, НПО и иных общественных организаций в формировании транснационального финно-угорского политического пространства представляется неодолимой. В финно-угорском третьем секторе существуют два кластера – зарубежный/западный (Финляндия, Венгрия, Эстония) и российский (финно-угорские этнические автономии РФ). Как известно, этноорганизации российских финно-угров по форме являются общественными. Однако еще в момент своего зарождения они пользовались поддержкой органов власти, так как не имели своих административно-организационных и финансовых ресурсов. Общая модель «третьего сектора» в финно-угорском пространстве имеет следующую структуру:

- Международный консультативный комитет финно-угорских народов;
- «основная» этноорганизация в финно-угорском субъекте РФ («Коми войтыр» в Коми, «Марий Ушем» в Марий Эл и т.п.), а также региональные органы власти / национальный уровень власти в зарубежном финно-угорском государстве;
- этноорганизации-спутники: различные молодежные и творческие объединения¹, которые, как правило, тесно связаны с «основной» организацией.

В зарубежных финно-угорских государствах общественные финно-угорские организации выступают в качестве грантодателей для российских этнопроектов. Например, Общество Матиаса Кастрена в Финляндии очень активно участвует в реализации проектов, направленных на изучение и популяризацию языков «титовых» народов в финно-угорских регионах РФ. В классической трактовке общественные организации финно-угорской направленности присутствуют по большому счету только за рубежом.

Без сомнения, этнодвижение составляет ядро транснационального финно-угорского политического пространства. Остальные субъекты в основном действуют через этноорганизации или взаимодействуют с ними. Однако эффективность деятельности этноорганизаций подвергается обоснованной критике, в том числе и со стороны представителей тех финно-угорских народов, интересы которых они представляют (Возрождение..., 2011: 231)².

С учетом сдерживающих идеологических факторов, органы государственной власти стали активными участниками финно-угорского взаимодействия только на рубеже 1980–1990-х гг. При этом обращает на себя внимание очевидная асимметричность статусов/уровней органов власти. С российской стороны, в первую очередь, проявили себя региональные органы власти в этнических автономиях, населенных финно-угорскими народами. Позиция федерального центра нуждается в отдельном обстоятельном анализе, хотя и Россию в целом можно считать субъектом транснационального финно-угорского политического пространства. В то же время со стороны Финляндии, Венгрии и Эстонии взаимодействие осуществлялось на национальном/государственном уровне. Хотя и транснациональный межрегиональный финно-угорский уровень также в течение 1990-х и 2000-х гг. усилился. Можно выделить три линии осуществления официального взаимодействия России, Финляндии, Венгрии и Эстонии в качестве субъектов транснационального финно-угорского политического пространства:

- через Международный консультативный комитет финно-угорских народов и Всемирные конгрессы финно-угорских народов;
- на двустороннем межгосударственном уровне: Финляндия – Россия, Венгрия – Россия, Эстония – Россия;
- в рамках международных организаций (ПАСЕ, ООН).

Во всех случаях ставился вопрос о сохранении и устойчивом развитии финно-угорских языков в этнических автономиях РФ.

Следует отметить, что этнические и политико-административные элиты в финно-угорских регионах РФ не тождественны друг другу, хотя ряд этноактивистов были рекрутированы в органы власти и сделали успешную карьеру. В период децентрализованного федерализма 1990-х гг. этнодвижения имели существенно большее влияние на региональные элиты. В свою очередь, региональные властные элиты использовали данное обстоятельство в качестве аргумента при взаимодействии с федеральным центром по вопросу о распределении полномочий и бюджетных ресурсов, что было выгодно всему населению субъекта РФ, независимо от его этнической принадлежности. В период цен-

¹ Общественные организации // Информационный центр «Финноугория». URL: <http://www.finnougoria.ru/community/nko/> (дата обращения: 15.07.2019).

² Возрождение в эпоху перемен. Съезды коми народа: документы и комментарии. Сыктывкар, 2011. С. 231.

трализации после 2000 г. роль этнодвижений снизилась. Региональные административные элиты стали своеобразным ответвлением федеральных элит и, в отличие от тюркских и кавказских автономий, финно-угорские региональные организации демонстрируют меньшую эффективность при лоббировании интересов своих народов. Вероятно, причины такого положения кроются не только в объективных неблагоприятных демографических показателях (финно-угры во всех «своих» автономиях находятся в меньшинстве), но и в недостаточно эффективной работе этноорганизаций по формированию широкой поддержки в обществе. Особенно ярко это проявилось в ходе «новой языковой реформы» 2018 г., которая привела к сокращению программ преподавания языков этноменьшинств даже в тех районах, где финно-угры составляют большинство, между тем финно-угорские языки в РФ и так находятся в трудной ситуации (Панов, 2018).

Бизнес как субъект международного взаимодействия по финно-угорской линии отличает значительная дифференциация. Крупный бизнес, особенно в России, достаточно тесно аффилирован с госструктурами регионального и национального/федерального уровня. Экономике суверенных финно-угорских государств выстроены по западной модели, и роль государства при выборе партнеров менее значима. В целом же этнический фактор может являться сопутствующим благоприятным обстоятельством при налаживании взаимодействия (это видно на примере сотрудничества Турции и Татарстана), но сам по себе не способен предопределить успех экономического взаимодействия. Точкой пересечения этнических интересов финно-угров и бизнеса может стать туризм. В последние годы при активном содействии региональных органов власти субъектов РФ стала реконструироваться и создаваться соответствующая инфраструктура с целью усиления туристического потока финно-угорской направленности (финно-угорский этнопарк в с. Ыб в Коми, с. Старая Теризморга в Мордовии и т.п.), но не хватает медиаподдержки для привлечения зарубежной аудитории, оставляет желать лучшего и общий уровень инфраструктуры и транспортной доступности. Особой темой является оказание финансового содействия финно-угорским проектам со стороны предпринимателей в России, среди которых есть весьма успешные лица финно-угорского происхождения. Пока широкого систематического взаимодействия бизнеса и финно-угорских организаций в РФ не налажено, что ставит последних в перманентную зависимость от государственных субсидий со всеми вытекающими последствиями.

Все представленные в предыдущем разделе типы субъектов существуют в двух измерениях – транснациональном и национальном, то есть государство (Венгрия, Россия, Финляндия, Эстония) служит своеобразным контейнером, существенно влияющим на протекающие процессы. Венгрия выделяется среди этих четырех государств тем, что на ее внутреннюю и внешнюю политику сильное влияние оказывают венгерские диаспоры. Как известно, роль диаспор в современном мире неуклонно возрастает (Cohen, 2008; Faist, 2000; Laguerre, 2006), что имеет значение и для финно-угорского этномира.

Венгерские диаспоры можно разделить на два типа. Миграционные и демаркационные. Первый тип связан с миграцией в дальнее зарубежье – США, Канаду, Австралию – и обусловлен экономическими и политическими причинами. Второй тип – демаркационный – в первую очередь связан с итогами мировых войн, в результате которых миллионы венгров оказались за пределами венгерского государства вследствие изменения границ, безо всяких активных действий с их стороны. В 1920–1980-е гг. венгерское общество наиболее болезненно воспринимало проблемы венгерских диаспор в приграничных с Венгрией Румынии, Чехословакии, Югославии (Knigh, 1987; Gyurcsik, Satterwhite, 1996; Magocsi, 1996; Székely, 1996). “Бархатные” революции 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы и последующая интеграция в евро-атлантические структуры позволили Венгрии как «материнскому» государству и её соседям найти взаимоприемлемые варианты в сфере языковой и образовательной политики, хотя риски сохраняются (Баринов, 2015). В конечном счете это позволяет достигнуть баланса между вопросами национального суверенитета и сохранения венгерской идентичности и зарубежных венгров, проживающих в соседних странах. О том, насколько вопрос с положением диаспор важен для официального Будапешта в последние годы, хорошо просматривается на примере ситуации с этническими венграми в Закарпатской области Украины. После принятия поправок в украинское законодательство об образовании, уменьшающих возможность обучения на языках этноменьшинств, Венгрия начала блокировать интеграцию Украины в ЕС¹.

¹ МИД Венгрии: блокирование интеграции Украины в НАТО будет продолжено [дата публикации: 11.07.2018] // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5365206?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.07.2019).

Относительно этноменьшинств, проживающих на территории самой Венгрии, проводится политика позитивной дискриминации (Садовая, Кутергин, 2017: 97–98). В этом плане венгерская модель языковой и образовательной политики близка к опыту Финляндии, где наиболее защищенным этноменьшинством являются шведы.

Итак, международное финно-угорское политическое пространство относится к транснациональному типу, хотя его идентитарный профиль не позволяет отнести его к пространствам с сильной политической субъектностью. Между тем существует резерв, способный сыграть свою роль в его усилении. В первую очередь речь идет о диаспорах финно-угорских народов, особенно венгерских. Помимо этого, общая прафинно-угорская культура содержит в себе определенный потенциал, который может быть актуализирован в настоящем. Наиболее явные культурные ориентиры всех финно-угорских народов связаны со структурно схожей мифологией и отношениями с природой. Дело не только в том, что дохристианская мифология отчасти сохранила свое влияние и после христианизации, но и в том, что она повлияла на создание экологически гармоничных практик взаимодействия человека и природы, характерных для финно-угорских народов. Кроме того, вопрос о разработке и внедрении общей финно-угорской символики также может быть решен в достаточно сжатые сроки. Особо следует отметить, что несмотря на наличие ряда соответствующих организаций, их реальное лоббистское влияние весьма умеренное, что свидетельствует о слабой институционализированности транснационального политического финно-угорского пространства. В то же время каждый из проанализированных типов субъектов обладает потенциалом для своего усиления.

* * *

Таким образом, проблематика политических пространств отличается многообразием теоретико-методологических подходов. Сложность тематики обуславливает необходимость дальнейшего развития исследовательского инструментария, в связи с чем предлагается разделить международные политические пространства на два типа (наднациональный и транснациональный), а также *модель идентитарного профиля*, позволяющую выявить ключевые характеристики пространства для дальнейшего исследования. Конфигурация транснационального финно-угорского политического пространства асимметрична и сложна по составу субъектов, что ослабляет его субъектность и осложняет поиски оптимальных моделей решения имеющихся этнокультурных проблем. В то же время фактор этнической идентичности выступает в качестве несущей оси международного финно-угорского пространства. При этом роль Финляндии и Венгрии в этом вопросе представляется достаточно важной и значимой в силу имеющихся у них наработок в сфере образовательной и языковой политики. Венгрия как обособленная часть финно-угорского пространства обладает своей выраженной спецификой и содержит наиболее мощный «диаспоральный резерв», который может быть вовлечен в международное финно-угорское взаимодействие. В целом финно-угорский мир в качестве транснационального политического пространства исследован недостаточно, хотя его значимость может проявляться в самых разных измерениях, поэтому его изучение необходимо проводить в широком контекстуальном поле этномиров и политических пространств иных типов.

Библиографический список

- Андерсон, Б. (2001) *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле. [Anderson, B. (2001) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* [Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)].
- Барин, И. И. (2015) 'Межэтнические конфликты в Восточной Европе и новая реальность Европейского союза', *Современные евразийские исследования*, Философия. Социология. Политология, 3, сс. 117–127. [Samarkina, I. V. (2013) 'Political world view: experience of conceptualization and interpretation' [Politicheskaya kartina mira: opyt kontseptualizatsii i interpretatsii], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 3, pp. 117–127. (In Russ.)].
- Сануков, К. Н. (2011) *Финно-угорские народы России: прошлое и настоящее*. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет. [Sanukov, K. N. (2011) *Finno-Ugric peoples of Russia: past and present* [Finno-ugorskie narody Rossii: proshloe i nastoyashchee].

- 2, сс. 81–85. [Barinov, I. I. (2015) 'Inter-ethnic conflicts in Eastern Europe and the new reality of European Union' [Mezhetnicheskie konflikty v Vostochnoi Evrope i novaya real'nost' Evropeiskogo soyuza], *Contemporary Eurasian Studies*, 2, pp. 81–85. (In Russ.)].
- Бек, У. (2001) *Что такое глобализация?* Москва: Прогресс-Традиция. [Beck, U. (2001) *What is Globalization?* [Chto takoe globalizatsiya?]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (In Russ.)].
- Бурдьё, П. (2013) *Социология социального пространства.* Санкт-Петербург: Алетейя. [Bourdieu, P. (2013) *Sociology of social space* [Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva]. St. Petersburg: Aleteiya Publ. (In Russ.)].
- Геллнер, Э. (1991) *Нации и национализм.* Москва: Прогресс. [Gellner, E. (1991) *Nations and Nationalism* [Natsii i natsionalizm]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)].
- Идентичность: Личность, общество, политика* (2017) / Отв. ред. И. С. Семененко. Москва: Весь Мир. [Semenenko, I. S. (ed.) (2017) *Identity: The Individual, Society, and Politics* [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika]. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russ.)].
- Косолапов, Н. А. (2005) 'Глобализация: территориально-пространственный аспект', *Мировая экономика и международные отношения*, 6, сс. 3–13. [Kosolapov, N. A. (2005) 'Globalization: territorial and spatial aspect' [Globalizatsiya: territorial'no-prostranstvennyi aspekt], *World Economy and International Relations*, 6, pp. 3–13. (In Russ.)].
- Круглый стол «Пространственные факторы современных политических изменений: проблемы концептуализации»* (2013). ИМЭМО РАН. 20 ноября. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=812&p=&ret=739&year=2013&sem=479 (дата обращения: 10.08.2019). [Round-table discussion 'Spatial factors of current political changes: problems of conceptualization' (2013). IMEMO. 20.11. [Kruglyi stol «Prostranstvennyye faktory sovremennykh politicheskikh izmenenii: problemy kontseptualizatsii»] [online]. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=812&p=&ret=739&year=2013&sem=479 (Accessed: 10 August 2019). (In Russ.)].
- Yoshkar-Ola: Mari State University Publ. (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (2012) '«Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики', *Полис*, 6, сс. 9–26. [Semenenko, I. S. (2012) '«Homo politicus» facing alternative political developments: rethinking the individual dimension of politics' [«Chelovek politicheskii» pered al'ternativami obshchestvennykh transformatsii: opyt pereosmysleniya individual'nogo izmereniya politiki], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 9–26. (In Russ.)].
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Бардин, А. Л., Пантин, В. И. (2017) 'Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве', *Полис*, 5, сс. 54–78. [Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., Pantin, V. I. (2017) 'Between the state and the nation: dilemmas of identity policy in post-Soviet societies' [Mezhdru gosudarstvom i natsiei: dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 54–78. (In Russ.)].
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2010) 'Идентичность в системе координат мирового развития', *Полис*, 3, сс. 40–59. [Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2010) 'Identity in the system of coordinates of the world development' [Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 40–59. (In Russ.)].
- Стрежнева, М. В. (2014) Территориальный и функциональный типы организации политических пространств (в развитие интеграционной теории), *Политическая наука*, 2, сс. 26–43. [Strezhneva, M. V. (2014) Territorial and functional types of political space organization (for example, the European Union) [Territorial'nyi i funktsional'nyi tipy organizatsii politicheskikh prostranstv (v razvitie integratsionnoi teorii)], *Political Science (RU)*, 2, pp. 26–43. (In Russ.)].
- Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития* (2010). Москва: ИМЭМО РАН. [Transnational Political Space: New Realities of International Development (2010) [Transnatsional'noe politicheskoe prostranstvo: novye real'nosti mezhdunarodnogo

- Мельвиль, А. Ю. (2007) 'Пространство и время в мировой политике', *Космополис*, 2, сс. 117–122 [Mel'vil', A. Yu. (2007) 'Space and time in world politics' [Prostranstvo i vremya v mirovoi politike], *Cosmopolis*, 2, pp. 117–122. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2011) *Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка*. Москва: РОССПЭН. [Panov, P. V. (2011) *Institutions, identities, practices: theoretical model of political order* [Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poriyadka]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2018) 'Языки меньшинств в школьном образовании в России: масштабы и факторы вариативности', *Вестник Пермского университета. Политология*, 3, сс. 120–136. [Panov, P. V. (2018) 'Languages of minorities in school education in Russia: the scope and factors of variability' [Yazyki men'shinstv v shkol'nom obrazovanii v Rossii: masshtaby i faktory variativnosti], *Review of Political Science*, 3, pp. 120–136. (In Russ.)].
- Парсонс, Т. (1997) *Система современных обществ*. Москва: Аспект Пресс. [Parsons, T. (1997) *The System of Modern Societies* [Sistema sovremennykh obshchestv]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)].
- Политическая идентичность и политика идентичности*. (Том 1). Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий (2011). Москва: РОССПЭН. [Political identity and identity politics. Identity as a category of political science: dictionary of terms and notions [Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii] (2011), Vol. 1. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)].
- Политическая идентичность и политика идентичности*. (Том 2). Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке (2012). Москва: РОССПЭН. [Political identity and identity politics. Identity and socio-political changes in the 21st century [Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke] (2012), Vol. 2. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)].
- Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы razvitiya*. Moscow: IMEMO Publ. (In Russ.)].
- Транснациональные политические пространства: явления и практика* (2011). Москва: Весь Мир. [Transnational Political Spaces: the phenomenon and practice (2011) [Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavleniya i praktika]. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russ.)].
- Финно-угорский мир и глобализация* (2014). Ижевск: Шелест. [The Finno-Ugric world and globalization (2014). [Finno-ugorskii mir i globalizatsiya]. Izhevsk: Shelest Publ. (In Russ.)].
- Чекушкин, А. Н. (2010) 'Понимание финно-угорского мира в современной этнополитической литературе', *Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования*, 3, сс. 27–34. [Chekushkin, A. N. (2010) 'The understanding of Finno-Ugric world in the modern ethnopolitical literature' [Ponimanie finno-ugorskogo mira v sovremennoi etnopoliticheskoi literature], *Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*, 3, pp. 27–34. (In Russ.)].
- Шабаетв, Ю. П., Чарина, А. М. (2008) *Региональные этноэлиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, идеология, лидеры)*. Сыктывкар: КРАГСиУ. [Shabaev, Yu. P., Charina, A. M. (2008) *Regional ethnic elites in the political process (Finno-Ugric movement: formation, evolution, ideology, leaders)* [Regional'nye elity v politicheskom protsesse (finno-ugorskoe dvizhenie: stanovlenie, evolyutsiya, ideologiya, lidery)]. Syktyvkar: Komi Republican Academy of State Service and Administration Publ. (In Russ.)].
- Шабаетв, Ю. П., Чарина, А. М. (2010) *Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России*. Санкт-Петербург: Институт сервиса и экономики; ИЭА РАН. [Shabaev, Yu. P., Charina, A. M. (2010) *Finno-Ugric nationalism and civil consolidation in Russia* [Finno-ugorskii natsionalizm i grazhdanskaya konsolidatsiya v Rossii]. St. Petersburg: Institute of Service and Economics; Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ. (In Russ.)].
- Шабаетв, Ю. П., Шилов, Н. В., Садохин, А. П. (2010) "Финно-угорский мир": миф, макроидентичность, политический проект?, *Общественные науки и современность*, 1, сс. 147–155. [Shabaev,

- анализа и прогнозирования (2014). Москва: ИМЭМО РАН. [*Political Change in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting* [Politicheskie izmeneniya v global'nom mire: teoretiko-metodologicheskie problemy analiza i prognozirovaniya] (2014). Moscow: IMEMO Publ. (In Russ.)].
- Прохоренко, И. Л. (2012) 'О методологических проблемах анализа современных политических пространств', *Полис*, 6, сс. 68–80. [Prokhorenko, I. L. (2012) 'On methodological problems of contemporary political spaces analysis' [O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 68–80. (In Russ.)].
- Прохоренко, И. Л. (2014) 'Организационная теория в анализе глобального управления', *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 3, сс. 150–173. [Prokhorenko, I. L. (2014) 'Organizational theory in the analysis of global governance' [Organizatsionnaya teoriya v analize global'nogo upravleniya], *Moscow University Bulletin of World Politics*, 3, pp. 150–173. (In Russ.)].
- Прохоренко, И. Л. (2015) *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. Москва: ИМЭМО РАН. [Prokhorenko, I. L. (2015) *Spatial Approach in International Relations Studies* [Prostranstvennyi podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii]. Moscow: IMEMO Publ. (In Russ.)].
- Пушкарева, Г. В. (2012) 'Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации', *Полис*, 2, сс. 166–176. [Pushkareva, G. V. (2012) 'Political space: problems of theoretical conceptualization' [Politicheskoe prostranstvo: problemy teoreticheskoi kontseptualizatsii], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 166–176. (In Russ.)].
- Садовая, Е. С., Кутергин, В. А. (2017) 'Регулирование этнополитических отношений в рамках языковой политики в школьном образовании: опыт стран ЕС', *Полис*, 5, сс. 91–105. [Sadovaya, E. S., Kutergin, V. A. (2017) 'Regulation of ethnopolitical relations in the framework of language policy in school education: experience of EU member countries' [Regulirovanie etnopoliticheskikh otnoshenii v ramkakh yazykovoi politiki v shkol'nom obrazovanii: opyt stran ES], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 91–105. (In Russ.)].
- Yu. P., Shilov, N. V., Sadokhin, A. P. (2010) 'Finno-Ugric world': myth, macro identity or political project?' ['Finno-ugorskii mir': mif, makroidentichnost', politicheskii proekt?], *Social Sciences and Contemporary World*, 1, pp. 147–155. (In Russ.)].
- Cohen, R. (2008) *Global Diasporas: An Introduction*. London: Routledge.
- Laguerre, M. (2006) *Diaspora, Politics, and Globalization*. New York: Palgrave Macmillan.
- DiMaggio, P. J., Powell, W. W. (1983) 'The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields', *American Sociological Review*, 2, pp. 147–160.
- Emirbayer, M., Johnson, V. (2008) 'Bourdieu and organizational analysis', *Theory and Society*, 1, pp. 13–14.
- Faist, Th. (2000) *The Volume and Dynamics of international migration and transnational social spaces*. Oxford: Oxford University Press.
- Giddens, A. (1987) 'Structuralism, post structuralism and the Production of culture' in: Giddens, A., Turner, J. (eds.). '*Social Theory Today*'. Cambridge: Polity Press, pp. 195–223.
- Gyurcsik, I., Satterwhite, J. (1996) 'The Hungarians in Slovakia', *Nationalities Papers*, 3, pp. 509–524.
- Hall, P., Taylor, R. (1996) 'Political Science and the Three New Institutionalisms', *Political Studies*, 44, pp. 936–957.
- International Relations in a Constructed World* (1998). New York; London: M.E. Sharpe.
- Keohane, R., Nye, J. (1977) *Power and Interdependence*. Boston: Little, Brown.
- Keohane, R., Nye, J. (1972) *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge: Harvard University Press.
- Knigh, G. (1987) 'The nationality question in contemporary Hungarian-Romanian relations', *Nationalities Papers*, 2, pp. 215–227.
- Magocsi, P.R. (1996) 'The Hungarians in Transcarpathia (Subcarpathian Rus)', *Nationalities Papers*, 3, pp. 525–534.
- Political Space: Frontiers of Change and Governance in a Globalizing World* (2002). New York: State University of New York.
- Saarinen, S. (2001) 'The myth of a Finno-Ugrian community in practice', *Nationalities Papers*, 1, pp. 41–52.
- Székely, A.B. (1996) 'The Hungarian minority in Croatia and Slovenia', *Nationalities Papers*, 3, pp. 483–489.
- Transnational political spaces: agents – structures – encounters* (2009). New York: Verlag.

- Самаркина, И. В. (2013) 'Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации', *Вестник Томского государственного университета*.
- Wendt, A. (1999) *Social theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторе

Артеев Сергей Павлович – кандидат политических наук, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН; старший преподаватель Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ. E-mail: artsp7@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-4335-2850. ResearcherID: E-9387-2016).

Статья принята к печати: 15.01.2020

TRANSNATIONAL POLITICAL SPACES: THE PROBLEM OF POLITICAL AGENCY. THE FINNO-UGRIC WORLD

S. P. Arteev

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
MGIMO University*

Abstract

The paper is devoted to the problem of transnational political spaces in the context of ethnic identity. The purpose of the article is to consider the agency of the transnational political space in the context of ethnicity through the example of the Finno-Ugric world. The author presents an overview of the main theoretical approaches to the issue of political spaces, proposes a typology of international political spaces and a model of identity profile of political space. An identity profile is an analytical model that reflects a unique set of parameters of the international political space that significantly affect its functioning. As part of developing such a profile, ten key parameters can be identified. Any parameter can take one of two values. By defining the parameter values, we establish characteristics which make it possible to identify the features of agency of the international political space. The identity profile model is a flexible analytical tool, and it can obviously be supplemented and refined as tested. The author concludes that the configuration of the transnational Finno-Ugric political space is asymmetric and complex in terms of the composition of its subjects. This weakens its agency and complicates the search for optimal models of solving existing ethnic difficulties. At the same time, the factor of ethnic identity acts as the bearing axis of the transnational Finno-Ugric political space.

Keywords: transnational political spaces; identity; ethnicity; Finno-Ugric World; ethnic world; identity profile.